

Знаешь Юрсети. - Минск. - 1991. - Зинкель

А ЗРИТЕЛЬ КТО?

Монолог в пустом зале

ОДИН, две... Сколько! Шестидесят, девяносто! Ну, уж никак не больше сотни зрителей сидело ежевечерне в июле в зале оперного театра Минска. Встреча гастролеров — артистов Ярославского академического театра им. Федора Волкова — получилась не очень-то многолюдной и гостеприимной. Дало, конечно, не в обычее поддерживать каких бы то ни было гостей. Просто спектакли ярославцев, которые довелось посмотреть, на мой взгляд, по-настоящему сильные, без скидок, дескать, что с нее, с провинции, возьмешь, когда столичные-то театры не блещут. А еще удивили лица: не типично актерско-затасканные — живые, особенные лица. И играли на сцене, словно самих себя и для себя.

Но я-то находилась не на сцене, а в зрительном зале! И переживала не только за героев Ибсена, Л. Андреева, Мозма, Островского. Какое мучительное чувство... Ярославцы, не признающие «второй свежести» и играющие на всю катушку. Давящая пустота соседних кресел... Обидно за минчан, пропустивших знакомство со старейшим российским театром, донгнавшим в Минск свой 241-й театральный сезон.

Впрочем, может быть, такая ситуация — уже классика в классическом провинциальном театре? И актеры с нею смирились —

живут на сцене одни, понимая, что хорошо играют жизнь, и не думают о зрителях! Этот вопрос, пробравшись за кулисы, я задавала многим актерам театра. В результате своего «закулисного» опроса выяснила:

— Да нет же, к пустому залу привыкнуть нельзя! Я, когда играю, зала не вижу, но чувствую его. Шуршат бумажками зрители, скрипят креслами — это одно; слушают, затив дыхание, или, наоборот, сразу реагируют на шутки — другое. Сейчас, странное дело, люди меньше смеются шуткам, актерам от этого очень неловко.

— Такие мизерные сборы у нас, кажется, в первый раз. Но мы не сдаем. Иногда и зрителей мало, но когда в конце спектакля они встают и кричат «браво», появляется надежда, что все было не зря.

— Не знаю, что случилось. Раньше я играла в Вологодском театре и на гастролях в

Минске были полные залы. Правда, это было лет пять назад...

Ярославцы по-разному объясняют «бойкот» минчан. Понимают, что сейчас огородно-отпускное время. К тому же перестройка, рынок. К тому же сначала жара, потом дожди. Может, реклама слабовата. Хотя повсюду расклеены афиши, объявления-простыни, по Белорусскому ТВ был о них часовой ролик. Да ведь заботиться о рекламе приходится самим гастролерам, а обходится она в копейчку — при их-то грошовых сборах...

А ведь театр, хороший театр, он же затягивает! И как знать, вам, совершенно случайно забредшим на первые спектакли ярославцев, возможно, захотелось бы снова вернуться в этот зал, посмотреть еще пару работ из большой гастрольной программы. Любовь к театру, разумеется, нельзя привить одним махом, как оспу. Пришел, укололся и

— готово, заразился. «Театральные прививки» нужно начинать в детстве.

Вот передо мной сидит мама с четырехлетним сыном. Ребенок, с муками высидев первое действие «Кухольного дома» («Норы») по Ибсену, на втором не выдерживает и заводит долгоиграющую пластинку: «Мама, пойдем домой, уже ночь». На пятом проигрывании мама не выдерживает, вздыхает, берет сына в охапку и выходит из зала. А артисты продолжают играть...

На этот раз приобщение к театру закончилось бегством. Моей племяннице Альке скоро девять, но и ей в этом огромном красивом здании ГАБТа пока больше нравятся антракты, «театральные» конфеты да бумажный веер, совсем «как у большой».

Может, глупо тянуть детей на взрослые спектакли, а может, и есть смысл. Раньше ведь вообще не было ни детских книг, ни детских театров, учили сразу на взрослом материале — получалось, кстати сказать, недурно.

Да что дети! — мы же, взрослые, сами не приучены к театрам, не научены «культурно» отдыхать, душой отдаваться сценическому действу. Сложу на спектакле и время от времени ловлю себя на мыслях о каких-то своих проблемах, то на разглядывании прически дамы, что сидит передо мной,

то... В момент страстного объяснения героя с героиней отчаянно скрипит кресло соседки слева, с негодованием взглядываю на нее, но тут в «перескрип» вступает и мое кресло. Сосед справа (угораздило же сесть на второй ряд!) начинает с короткими перерывами чихать, кашлять, сморкаться. Кто-то громко шепчется, потом все, наконец, смолкает.

На народ, на нас то есть, смешно обижаться. И артисты Ярославского театра это понимают. Они очень здорово играют про нас и для нас. И когда измученные выходят на поклон, я изо всей силы кричу: «браво!!!» Это «браво» нужно мне, чтобы выплеснуть эмоции, сказать «спасибо»; оно, знаю, нужно артистам, чтобы почувствовать: они играли, пусть и в пустом зале, но для живых людей...

...Иногда кажется, что отдыхать, развлекаться и тем самым духовно развиваться сейчас, значит, участвовать в пире во время чумы. И все-таки чуме можно победить не только искусной политикой, но и искусной игрой. Лозунг «Искусство принадлежит народу» давно снят со щитов городов и наших душ. Искусство никому не может принадлежать. Ну, а мы можем принадлежать искусству!

Ирина ПАНТЕЛЕЯ